

ЕРОФЕЕВ О ВЕНЕДИКТЕ ЕРОФЕЕВЕ

Родине попадет... Так и не объяснились. И отдавать Венедикту неловко было.

Когда я прочитал «Москва—Пегушки», мне, естественно, захотелось познакомиться с автором, и раз пять через общих друзей мы назначали встречу, однако Венедикт регулярно оказывался абсолютно пьян, и все срывалось. Наконец первый раз мы столкнулись в лифте у Речного вокзала, он (тогда еще со здоровым горлом) ехал читать свою пьесу. Всю дорогу мы совершенно тупо промолчали — и только на квартире, перед тем как начать чтения, Венедикт меня, как самого молодого, послал за водкой. Я попросил подождать; возвращаюсь — дочитывает первую главу. И тут самое интересное: я должен бы возмутиться, что такое, — так нет, он сам говорит сердито: ну ты подожди, пока я дочитаю. То есть как бы не он здесь главный, а я, который с водкой.

Но при всей своей любви выпить Венедикт был совсем «не русский» какой-то человек. Он все делал с достоинством. И пил с достоинством, и не по-русски кручинился... Я его очень любил. Но, как ни странно, Венедикт не входил в компанию моих, а я — его друзей. Скорее наоборот, Венедикт недолюбливал меня, так что моя любовь к нему все время оставалась неразделенной.

Однажды устроили вечер «Два Ерофеева». Собралось много народа. Дмитрий Пригов заготовил остроумную прелебу, но вечер не клеился. Зал разделился на сторонников Венедикта — большая часть — и моих. Я прочитал несколько рассказов, неплохих, по моему, но Венедикту, как я понял, они не по-

нравились: он не сказал о них ни слова. Когда я читал, его сторонники прободали меня осистать, на них шикали, приготовленные мной шуточные тезисы «Метафизика фамилий» (они и сейчас у меня где-то лежат), в которых я доказывал, что в однофамильстве нет ничего хорошего — тоже, на мой взгляд, приличные, — их пришлось смять — и тоже Венедикт никак на них не отреагировал. Потом стали фотографироваться. Венедикт встал со своими друзьями, а меня не позвал. Я из ложной гордости не пошел, не попросился. Так что нашей общей фотографии не существует...

Не знаю, чем я ему так не нравился. Наверное, потому, что однофамилец. Он-то много старше меня, «шестидесятник», а тут мальчишка какой-то, самозванец. Один раз он даже сказал мне: «Поменяй ты фамилию». Я отвечал, что уже поздно; так мы об этом, как следует, и не поговорили. А я очень хотел. И он, чувствовалось, тоже.

Когда Венедикт уже умирал, в Москву приехал Владимир Максимов, зашел за мной, говорит: «Веня совсем плох, давай к нему сходишь». Я не пошел, показало, что я оскорбляю его тем, что вот он уходит, а этот, мальчишка-самозванец, остается. Зря, конечно, не пошел из того самого «гуманизма» абсолютно фальшивого.

Когда он умер, по ошибке стали выражать соболезнования моей жене. Что тут было! Я тогда улетел в Германию, и она думала, что я разбился в авиакатастрофе... А возвратился — похороны уже прошли.

В общем, какая-то мистика творилась

в наших с ним отношениях, так и не выясненных до конца, хотя вроде бы и в «Зерналах» успели выйти рядышком: он о Розанове, я — о Бердяеве. Что-то несостоявшееся.

...Ну ладно, расскажу случай, последний — тут можно много вспоминать и переживать, не останавливайте. Была вечеринка у Беллы Ахмадулиной. Все напились, конечно, Венедикт потерял свою японскую трубку, я полез под стол искать, гости постепенно расходились. Так я и не нашел трубки. Мы остались втроем с артисткой из МХАТа. Вышли на улицу, зима, ночная Москва, колочная, морозная.

Идем — милиционершно, тогда только-только сухой закон вышел: «Стойте, вы пьяные». Артистка действительно была совсем не в духе, я более менее, а Венедикт отвернулся, пьяный, конечно, но стоит, молчит — ничего. Я говорю, да посмотрите же, у нас человек больной. Он со своими милиционерскими шуточками: «Знаем мы вас больных», рацию достает. Тогда я Венедикта поворачиваю, раскрыл ему шарф а там — вырезанное горло, какие-то клочья мяса, кажется, что и позвоночника нет, черная дыра — на чем голова держится?! — ужас. По правил, оглядываюсь — пусто. Милиционер исчез. Такая метафизическая пустота...

Меня просили написать о Венедикте Ерофееве, но я снова подумал, что это, если бы он был жив, оскорбило его...

Записал

Феликс ШВЕДОВСКИЙ.